

Антон Владимирович ЦИММЕРЛИНГ

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Институт языкознания РАН (Россия, Москва)
fagraey64@hotmail.com

Суть и есть

I

Авторитетное лексикографическое описание глагола *быть* утверждает, что у него в современном русском языке необычная парадигма настоящего времени { $\emptyset^{BE.PRES}$, *есть*^{BE.PRES}, *суть*^{BE.AUX.3PL}}, где первые две формы используются во всех лицах и числах, т. е. вообще не являются показателями лично-числового согласования, а форма *суть* используется частью носителей русского языка в научных и публицистических текстах как связка 3 л. мн. ч., в то время как использование *суть* в качестве полнозначного глагола в 3 л. мн. ч. запрещено [Апресян 1996: 518, 528]. Справедливость последнего утверждения Ю. Д. Апресяна можно проверить, подставляя *суть* вместо *есть* и $\emptyset^{BE.PRES}$ в контексты типа *Есть* / **суть женщины в русских селеньях*, *В шкафу есть* / **суть книги*.

Существуют контексты, где современный русский язык требует нулевой формы $\emptyset^{BE.PRES}$ и запрещает *есть*. В этом случае запрет распространяется и на *суть*: *Вася и Катя* $\emptyset^{BE.PRES}$ / **есть* / **суть в городе*, *Вася и Катя* $\emptyset^{BE.PRES}$ / **есть* / **суть глупы*, **Вася и Катя* $\emptyset^{BE.PRES}$ / **есть* / **суть арестованы*. Форма глагола в контекстах последнего типа трактуется русистами как связка: наличие предложений, где $\emptyset^{BE.PRES}$ на внешне выраженную связку (*есть*, *суть*) заменить нельзя, служит одним из главных доводов в пользу признания нулевой формы самостоятельным синтаксическим элементом и частью парадигмы глагола *быть* [Пешковский 1928: 303; Арутюнова, Ширяев 1983]. Тем самым, формулировку Ю. Д. Апресяна можно уточнить: хотя глагольная форма *суть* предположительно сохраняется в современном языке только как связка, набор контекстов для связки *суть* меньше, чем для *есть* и $\emptyset^{BE.PRES}$.¹

Глагольная парадигма { $\emptyset^{BE.PRES}$, *есть*^{BE.PRES}, *суть*^{BE.AUX.3PL}}, где нулевая форма и две внешне выраженных распределены синтаксически, причем остаточное согласование в 3 л. мн. ч. сохраняет лишь маргинальная форма *суть*, выглядит странно. Однако альтернативные описания не лучше и не проще. Обычная для толковых словарей практика состоит в том, что они дают как статью *БЫТЬ*, так и статью *ЕСТЬ*, причем характеристики *есть* в этих статьях расходятся: статья *БЫТЬ* утверждает, что у глагола *быть* «наст. вр. нет, кроме 3 л. ед. ч. *есть*», но стоящая позже по алфавиту статья *ЕСТЬ* признает, что

¹ Из существующих словарей ближе всех к данному ограничению подходит [Ожегов, Шведова 1992: 808], в котором утверждается, что глагольная форма *суть* обычно используется в предложениях, где оба именных члена выражены существительными. Но эта формулировка не отсеивает примеры типа **Вася и Катя суть студенты*, степень приемлемости которого такая же, как у предложения **Вася и Катя суть глупые*.

есть употребляется во всех лицах «в силу утраты форм наст. вр. глагола *быть*». Данный шаблон запечатлен в словаре Д. Н. Ушакова [Ушаков (ред.) I: 214; 818], в Малом академическом словаре [Евгеньева (ред.) I: 130, 468] и в [Ожегов, Шведова 1992: 64, 191]. Те же словари содержат статью *СУТЬ*: *суть* определяется как устаревшая или книжная форма 3 л. мн. ч., при этом Малый академический словарь допускает и употребление в 3 л. ед. ч. на основании примеров вроде *Сие не суть угроза, а предупреждение* (М. Горький, 1912 г.) [Евгеньева (ред.) IV: 310].

Отказ от признания формы *суть*.

Такое решение при признании существительного *суть*₁ отражено в словаре В. И. Даля², где специальной статьи о глагольной форме *суть*₂ нет, а в статье *ЕСТЬ* *суть*₂ не упомянуто [Даль I: 523], а также в 3-м томе Большого академического словаря, где в статье *ЕСТЬ* утверждается, будто форма *суть*₁, утрачена, наряду с другими «старинными формами наст. вр. гл. быть: *есмы*, *еси*, *естмы*³ (sic), *есте*...» [ССРЛЯ 3: 1279]. Однако основной подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) дает порядка 8000 примеров *суть*₂, что хотя и несравнимо с частотой *есть* (393 200 вхождений в НКРЯ⁴), указывает на регулярное употребление. На период 2000–2015 гг. приходится 199 случаев употребления. Поэтому должна быть специальная причина для игнорирования тех текстов, где *суть*₂ продолжает использоваться⁵.

Отказ от признания формы *есть*.

Исключение *есть* из парадигмы наст. вр. глагола *быть* мотивировано теорией Л. В. Щербы о том, что связка *быть* и полнозначный глагол *быть* в современном русском языке якобы стали разными словами [Щерба 1928; 2008: 94–95]. Если допустить, что глагол *быть*, как дружно утверждают упомянутые выше словари, действительно лишен внешне выраженных форм наст. вр. и реализуется в виде нулевой формы $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в позиции связки, предсказываемое Л. В. Щербой распределение возникнет, если форму *есть* отнести к полнозначному глаголу *быть*. Допущение о том, что *ЕСТЬ* и *БЫТЬ* — разные лексемы, по мнению Ю. Д. Апресяна [Ibid.], использовано в Малом академическом словаре, но тот же формат описания реализован уже в словаре Д. Н. Ушакова. Однако форма *есть* употребляется не только как полнозначный глагол, но и как связка, что признают и Д. Н. Ушаков с А. П. Евгеньевой. Ср. безударное связочное *есть* в дефинициях и категорических суждениях: *Прямая есть кратчайшее расстояние между точками, Голосовавшие за этот закон есть преступники. Ударное связочное есть выделяется в пред-*

² В. В. Виноградов утверждал, что до В. И. Даля существительное *суть* не регистрировалось словарями русского языка [Виноградов 1994: 673]. Это утверждение было опровергнуто А. А. Соколянским, который нашел статью о существительном *суть* в «Дополнении к Опытному областного великорусского словаря» под ред. А. Х. Востокова (1858), см. [Соколянский 2020: 101].

³ Так в книге.

⁴ До снятия омонимии.

⁵ Характерно, что тот же Большой академический словарь в 14-м томе все же дает статью о глагольной форме *СУТЬ*², которая снабжается пометой ‘устар’ [ССРЛЯ 14: 1225].

ложениях типа *Вася/Вы и есть наш доктор, Кратчайшее расстояние между точками и есть прямая*. Не менее важно, что в ряде контекстов $\emptyset^{BE.PRES}$ замещает позицию полнозначного глагола, а не позицию связки, и конкурирует с полнозначным глаголом *есть* [Дымарский 2018], см. (1а-б) и (2а-б).

- (1) а. В саду $\emptyset^{BE.PRES}$ яблони.
 б. В саду *есть*^{BE.PRES} яблони.
 (2) а. У меня $\emptyset^{BE.PRES}$ квартира в городе.
 б. У меня *есть*^{BE.PRES} квартира в городе.

Итак, для исключения *есть* из парадигмы глагола *быть* нет оснований, а тезис Л. В. Щербы о том, что связка *быть* и полнозначное *быть* стали разными словами, ложен.

Отказ от признания нулевой формы.

Нулевая форма не отмечена в Грамматическом словаре А. А. Зализняка, где указаны *есть* и *суть* [Зализняк 1977: 133]. Ссылку на «отсутствии наст. вр.» у глагола *быть* в прочих словарях можно трактовать как неформальное указание на нулевую форму. Отрицать реальность $\emptyset^{BE.PRES}$ в грамматическом описании трудно по двум причинам, указанным уже А. М. Пешковским. Во-первых, $\emptyset^{BE.PRES}$ в части контекстов обязательно, а подстановка *есть* невозможна: *Вася $\emptyset^{BE.PRES}$ глуп, *Вася *есть*^{BE.PRES} глуп*. Во-вторых, в прош. и буд. вр. в той же позиции используется ненулевая форма, ср. *Вася был глуп*, тем самым, нулевая форма встроена в ряд $\emptyset^{BE.PRES}$ /*был,-а, -о, -и/буд-ет, -ешь, -ет, -ут, -ете, -ут*. Точно также, форма *есть* встроена в ряд ***есть**^{BE.PRES}/*был,-а, -о, -и/буд-ет, -ешь, -ет, -ут, -ете, -ут**. Отсюда следует, что отрицать принадлежность $\emptyset^{BE.PRES}$ к парадигме наст. вр. глагола *быть* можно лишь одновременно отрицая ненулевую форму *есть*^{BE.PRES}, что выглядит абсурдным.

Поддерживаемое литературным русским языком синтаксическое распределение $\emptyset^{BE.PRES}$ и *есть*^{BE.PRES}, служит главным доводом в пользу признания парадигмы наст. вр. $\{\emptyset^{BE.PRES}, \text{есть}^{BE.PRES}, \text{суть}^{BE.AUX.3PL}\}$, где две основные формы не привязаны к лицу и числу. При этом, однако, возникает два вопроса. Первый из них носит общий характер: за счет чего система подобного типа воспроизводится в течение длительное время? Второй является более частным: как форма *суть*₂, являющаяся остаточным показателем согласования в 3 л. мн. ч., могла уцелеть в парадигме, где лично-числовое согласование почти утрачено? Наша статья пытается ответить на второй вопрос.

II

Исторически, все три сохранившиеся в современном русском языке формы наст. вр. глагола *быть* связаны с 3 л. В *л*-перфекте, т. е. конструкции с причастием на *-л* и вспомогательным глаголом (связкой) *быть* в форме наст. вр.⁶, связка в 3 л. в древнерусских памятниках обычно опускалась [Бор-

⁶ Конструкция *л*-перфекта традиционно включается в систему прошедших времен древнерусского языка, поскольку четкое видо-временное противопоставление перфекта как результа-

ковский, Кузнецов 1963: 283, 323]. На применимость понятия нулевой формы к древнерусскому языку указал уже А. М. Пешковский, который писал: «в древне-русском языке отсутствие связки в 3-м лице, независимо того, было ли оно исконным или вторичным, тоже было, по-видимому, нулевым признаком с глагольным значением, только более узким – со значением именно третьего лица глагола⁷» [Пешковский 1928: 302]. В именном сказуемом *есть* и *суть* употреблялись чаще, а полнозначный глагол *быть* не опускался. Тем самым, древнерусский язык, за вычетом специфического распределения нулевой и ненулевых форм связки 3 л. $\emptyset^{BE.3P} \sim \text{есть}^{BE.3SG}$, $\text{суть}^{BE.3PL}$ в л-перфекте и именном сказуемом, близок таким языкам с нулевой связкой, как современный венгерский, где ненулевая форма глагола ‘быть’ сохранена, но в позиции связки 3 л. не употребляется [Bánhidí, Jókay, Szabó 1965: 67–69]. Напротив, современный русский, вопреки тиражируемому мнению [Benveniste 1960; Stassen 1994], — не столько язык с нулевой связкой, сколько язык с нулевой формой *быть* в наст. вр., см. примеры (1)–(2) выше, где $\emptyset^{BE.PRES}$ занимает позицию полнозначного глагола.

Новые обобщения об отсутствии связки 3 л. в древнерусский период в 1990-е гг. сделал А. А. Зализняк, который показал, что порядок слов в древнерусском языке регулировался законом Ваккернагеля, устанавливавшим особое распределение полноударных слов и энклитик. Связки 1–2 л. перфекта в древнерусском языке были энклитиками: они не выносились в начало предложения и комбинировались с другими энклитиками в строго определенном порядке, а именно – ставились в цепочке энклитик после энклитических частиц и энклитических местоимений [Зализняк 1993: 285]. А. А. Зализняк заметил, что в тех памятниках, которые близки к устной речи (берестяные грамоты, прямая речь персонажей Киевской летописи, а также ряд позднедревнерусских памятников), где связки 1–2 л. перфекта обладали всем свойствами энклитик, связок 3 л. в л-перфекте нет, и предположил, что колебания $\emptyset^{BE.3P} \sim \text{есть}^{BE.3SG}$, $\text{суть}^{BE.3PL}$ в другой группе древнерусских памятников отражают тот факт, что формы 3 л. *есть* и *суть* не обладали полнотой свойств энклитик [Зализняк 2008: 236–238, 257–259], см. обсуждение в [Циммерлинг 2020]. Модель Зализняка предполагает выделение двух идиомов древнерусского языка. В идиоме, близком к устной речи (далее — Др-Рус. I), связочных энклитик 3 л. в конструкции перфекта не было. В другом, в большей степени связанным с книжной традицией (далее — Др-Рус. II), они употреблялись нерегулярно [Зализняк 2008: 258]. В предложениях с именным сказуемым⁸ связ-

тивной формы форме простого пр. времени (аориста) в дошедших до нас древнерусских текстах отсутствует [Петрухин, Крысько 2020: 240].

⁷ Орфография и знаки выделения А. М. Пешковского в 3-м издании «Русского синтаксиса в научном освещении».

⁸ В «Словаре русского языка XI–XIV вв.» есть подробная статья о глаголе *быти*, где вначале перечислены употребления *быти* в качестве полнозначного, а затем — связочного глагола. Отметим спорное решение составителя, отнесшего модальные инфинитивные предложения типа *и бѣ видѣти чудо преславно* СкБГ XII, 21в; и *а про коуны. чимь то ми сѧ было вамь платити* Гр. до 1270 (новг.) к полнозначным употреблением *быти* [СДРЯ I: 343]. Требуется дополнительного обоснования и отнесение к полнозначным «предложений с отвлеченным существительным в

ки *есть* и *суть* факультативны и в Др-Рус. I, и в Др-Рус. II, хотя процентное соотношение разное [Зализняк 2008: 259–261]. Сам А. А. Зализняк уклоняется от использования понятия нулевой связки, но его модель совместима с ним. Условимся признать нулевую форму $\emptyset^{BE.3P}$ членом парадигмы глагола *быть*, если в некоторых контекстах она является обязательным синтаксическим элементом. Такова ситуация в идиоме Др-Рус. I.

Таблица 1

Парадигма глагола *быти* в наст. вр. в древнерусском языке (идиом Др-Рус I)

	I: <i>быти</i> как полнозначный глагол			II: <i>быти</i> как связка в именном сказуемом			III: <i>быти</i> как связка в л-перфекте		
	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
Энклитичность	+			±			+		
1 л.	есмь	есвѣ	есмь	есмь	есвѣ	есмь	есмь	есвѣ	есмь
2 л.	еси	еста	есте	еси	еста	есте	еси	еста	есте
3 л.	есть, * \emptyset	–	суть, * \emptyset	\emptyset	–	\emptyset	\emptyset	–	\emptyset

Сопоставляя современное состояние с древнерусским распределением форм 3 л. *быти*, мы видим, что нулевая форма закрепилась в контекстах типа II (связочные предложения с именным сказуемым) и частично в контекстах типа I (предложения с полнозначным глаголом *быть*), в то время как контексты типа III (л-перфект) исчезли. Распространение форм 3 л. $\emptyset^{BE.3P}$ и *есть* на 1–2 л. связано с параллельно протекавшим процессом – утратой исторических форм 1–2 л. наст. вр. *быти*. А. А. Зализняк датирует утрату связок 1–2 л. XVII в., отмечая, что связки 1–2 л. в перфекте не употребляются уже в некоторых текстах конца XVI в. (письма Василия Грязного), а в именном сказуемом идиоме Др-Рус. I утрачивают их еще раньше [Зализняк 2008: 255].

Корпусные данные позволяют внести важное уточнение: форма *есть* начинает распространяться за пределы своего этимологически исконного значения (3 л. ед. ч.) задолго до XVII в., причем это касается не только связки (контексты типа II), но и употреблений полнозначного глагола (контексты типа III). Для периода 1300–1499 гг. Исторический корпус НКРЯ дает 124 предложения с несвязочным *есть*, причем в 23 случаях (18,6%) *есть* использовано в 3 л. мн. ч., где по нормам раннедревнерусского языка следовало ждать *суть*, см. (3)–(5).

- (3) Два бо пути **есть** разума: ли глаголати, или молчати правѣ [Послание мудрого Феофана монаху Прохору (1375–1400)].
- (4) духовные, господине, и купчие, и даные грамоты у нас нет, а **есть**, господине, у нас на ту землю **знахори Прокофей Шипулин да Легчан Кондратов сын**, а се, господине, тот Прокофей и Легчан пред тобою. [Правая грамота суда Ивана Сухого, по докладу великому князю Ивану Васильевичу, митрополиту Геронтию на землю у реки Конши, в Костромском уезде, бывшую в споре у игумена митропо-

позиции подлежащего» типа и *дхъ гнѣвныи бѣ во мнѣ* Пал 1406, 1156 [СДРЯ I: 340], поскольку значимость этого признака не раскрыта.

личьего Пречистенского монастыря Василия с детьми боярскими Д. Рожновым с братьею (1473–1489)]

- (5) **Есть** же нѣции, егда и самыа ты пушки пущаху [Повесть о нашествии Тохтамыша (1382–1400)].

Интересен также пример (6) со связкой *есть* в значении 2 л. мн. ч. Здесь сопутствующим фактором была фонетическая близость 2 л. мн. ч. (*есте*) и 3 л. мн. ч. (*есть*), но совпадение форм 2 и 3 л., чем бы оно ни было вызвано, — явление морфологии.

- (6) «Господиа моя, аще въспросят мѣнящи из мѣшець от иконъ, что сътворю? А **вы** кто **есть**?» [Повесть о Петре, царевиче ордынском (1470–1490)].

Для 1500–1700 гг. Исторический корпус НКРЯ дает 145 примеров (большинство относится к XVII в.) *есть* при существительном во мн. ч. или при сочиненной группе типа *письмо и клятва*, что соответствует 26,12 % от общего числа употреблений *есть* в несвязочной позиции (555). Итак, распространение *есть* на мн. ч. и превращение ее в обобщенную презентную форму в позиции полнозначного глагола — явление давнее, его отражают уже тексты XIV–XV вв., как светские, так и церковные.

Для *суть* НКРЯ в 1300–1499 гг. дает всего 27 употреблений в бытийных, посессивных и локативных контекстах типа <*В X-е суть Y-и> или <*У X-а суть Y-и> с 1300 г. В «Повести о нашествии Тохтамыша», откуда взят пример (5), в аналогичном контексте находим и форму *суть*, см. (7).

- (7) Но обаче **суть** нѣции доброты на предѣлех ордынских на то устроени, поборници суще земли Русѣи [Повесть о нашествии Тохтамыша (1382–400)].

Примечателен также переводной текст, где в первом предложении *суть* в позиции полнозначного глагола употреблено без подлежащего в им. п. Далее при подлежащем *птици* переводчик сбился на форму *есть*, причем в позиции связки:

- (8) И мышев бо множицею в домовех царских **суть**, но непотребни пребывают, аще и близ **суть**; **птици же, нарицаемии фалкон**, аще **дивии есть**, но за потребы своа призываються и приемлются и на царских руках сѣдят [Стефанит и Ихнилат (1300–1500)].

В примере (9), датируемом к XVI – н. XVII в., автор, употребив *суть* при подлежащем *письмо и клятву*, немотивированно добавил *есть* в то же самое предложение. Это с высокой вероятностью указывает на то, что форма *суть*, по крайней мере, — в позиции полнозначного глагола — была для него элементом выученной грамматики, в то время как его собственный идиом требовал в этой позиции *есть*.

- (9) И оттоле бысть страх велии на поганых Нѣмецъ, и дасть Магнушь король свеиской на собя **письмо и клятву**, отнюдь никако не приходити на Русь воиноу и до скончания вѣка, яже **суть** и донине **есть** в Великомъ Новѣгороде во святеи Софеи [Окончание списка Оболенского (1562–1612)].

Аналогичный сбой запечатлен в другом памятнике XVI в., где задается вопрос, *кто есть и откуда суть* <эти люди>, см. (10):

- (10) Жаждущимъ убо сердцемъ испытуютъ людие, кто **есть** и откуда **суть**, и что вина пришествия их [Из Троянской истории (1500–1600)].

Казусы типа (8)–(10) и недифференцированное употребление *суть* и *есть* в позиции полнозначного глагола в пределах одного текста, см. (5) и (7), побуждают приглядеться к связке *суть* в книжных памятниках. В примере (11), относящемся к XV в., автор (или писец) допустил грубую ошибку, добавив связку *суть* к форме аориста, а не л-причастия.

- (11) Они же начаша дивитися, како се увѣдѣ, о немже они **приидоша суть**, но понеже познаша челоуѣка того Божиа быти, и послания дающе от князя святому [Житие Кирилла Белозерского (1450–1455)].

Этот ляп при пересчете бытовой формы 3 л. мн. ч. *пришли* на книжное *приидоша* не только характеризует неполное освоение церковнославянской грамматики автором XV в., но и подтверждает две черты русского языка того времени: 1) остаточный характер л-перфекта при редкости сочетаний с ненулевой связкой 3 л. *пришел есть*, *пришли суть* в некнижных памятниках; 2) книжный характер *суть* в эпоху, когда форма 3 л. *есть* распространилась на мн. ч. Похожие ошибки встречаются и в других памятниках XV–XVII вв. Так, автор «Жития Никандра Псковского» (1595–1605 гг.) дважды употребляет связку *суть* с аористом и один раз — при форме презенса (!). Архаизирующий свою речь летописец Савва Есипов тоже не постеснялся в 1636 г. сочетать *суть* с презенсом, причем в примере (12) *суть* употреблено при подлежащем в ед. ч.

- (12) **Суть** же промежь Московскаго государства и Сибирские земли **облежить камень_{SG} превысочайши_{SG}**, яко инеми холми блиско досязати облакъ небесныхъ [С. Есипов. Есиповская летопись по Погодинскому списку (1636)].

В летописи С. Есипова есть еще один пример, где *суть* употреблено в 3 л. ед. ч. в контексте «X находится в ста поприщах от Y-а»:

- (13) По сем же прииде во градъ Сибирь к атаману Ермаку татаринъ, именемъ Сенбахта, и поведаетъ ему Ермаку, что царевичъ Маметкуль, Кучюма царя сынъ, сто[и]тъ на реце Вагае, **суть** же отъ града Сибири яко поприщъ сто [С. Есипов. Есиповская летопись по списку Ундольского (1636)].

На фоне экспериментов русских авторов XV–XVII вв. со связкой *суть* бросается в глаза малое число примеров со связкой *есть* в 3 л. мн. ч., т. е. предложений типа *Сии бояре есть наши люди*. До XVIII в. НКРЯ дает всего 2 (!) примера подобного рода. Данная лакуна в правильном книжном языке XIV–XVII вв. заполнялась связкой *суть*, а в памятниках, близких к устной речи — нулевой связкой Ø^{BE.3P}. При пересчете с того идиома старорусского языка, где в соответствующем контексте требовалась нулевая связка (далее — Ст-Рус. I), на книжный идиом (далее — Ст-Рус. II) могли возникать сбои. Такой сбой, видимо, стоит за светским текстом, сочиненным в 1658 г. духовным лицом —

архимандритом Дионисием. Дионисий явно строил страдательный залог при помощи нулевой связки — *нынѣ* Ø^{3P} *сдѣланы*. Однако в письменный текст — инструкцию для подчиненных — он решил добавить внешне выраженную связку. Сочетания типа *нынѣ есть сдѣлан* и *суть сдѣланы* были несвойственны Ст-Рус. I, поэтому интуиция не подсказала Дионисию, которую из книжных форм — *есть* или *суть* — надо избрать в Ст-Рус. II.

- (14) А жернокововъ бы тебѣ кормить и поить добрѣ, чтобѣ имъ ничимъ скудно не было; а камневь убавливать, что нынѣ **есть сдѣланы**, не велѣтъ; да вамъ же бѣ велѣтъ тотчасъ камень дѣланое къ мельницы привозить, чтобѣ имъ тутъ камень справить [Память архимандрита Иверского монастыря Дионисия посельским старцам Аврамию и Алимпию о даче жерноковам в помощь работника, вырубке в Вышнем Волочке валов и о привозе их в Выдропуск на мельницу (1658)].

Дионисий, как его современник Есипов, вероятно, допускал употребление *суть* в 3 л. ед. ч. Последовательное употребление *суть* в 3 л. ед. ч. подтверждает дневник путешественника конца XVII в. П. Ф. Толстого, родившегося в 1645 г. В его записях 1699 г. форма *суть* употреблена 10 раз, из них 6 — при ед. ч., причем встречается как в позиции связки, см. (15), так и в позиции полнозначного глагола в значении ‘находиться’, см. (16).

- (15) **Варшава суть**^{ВЕ.3P} **место великое**, на левом берегу реки Вислы положенное. [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)]
- (16) По той моей ведомости он, Алексей, выехал из Варшавы встречу мне 2 версты и, видясь со мною, приискал мне постоялой двор, на котором я стоял в Праге на берегу реки Вислы **против королевскаго замку, которой суть**^{ВЕ.3P} **в Аршаве**. [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)]

В идиоме П. Ф. Толстого *суть* — просто усиленный вариант формы *есть*, которую он, как и его современники, использовал и в 3 л. ед. ч, см. (17), и в 3 л. мн. ч., см. (18). Полный контекст последнего примера подтверждает, что нулевая форма Ø^{ВЕ.3P} тоже была в ходу.

- (17) В том селе Горках **есть**^{ВЕ.3P} **благочестивая греческаго закону церковь одна**, а унияцких две церкви, римской костел один, жидовская божица одна [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)].
- (18) В том селе Ø^{ВЕ.3P} **жители разных вер: есть**^{ВЕ.3P} **благочестивые греческаго закона, есть**^{ВЕ.3P} **католики, есть**^{ВЕ.3P} **немало и жидов** [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)].

Предварительные итоги

Подведем итоги нашего экскурса. Синтаксическое распределение трех исторических форм 3 л. глагола *быть*, сохранившихся в современном русском языке — Ø^{ВЕ.3P}, *есть* и *суть* – в значительной степени сложилось уже в XV–XVII вв., когда конструкция перфекта с причастием на –л и поддерживавшая ее система древнерусских энклитик пришли в упадок. Устранение конструкции перфекта – следствие распространения нулевой формы связки 3 л. (Ø^{ВЕ.3P}) на 1–2 л., что сделало энклитические формы 1–2 л. глагола *быть* факультатив-

ными. Параллельно нулевая связка 3 л. укрепились в связочных предложениях с именным сказуемым, где сложилось распределение в соответствии с регистром языка: в текстах, близких устной речи, преобладала нулевая связка, а книжных текстах употреблялись связки *есть* в 3 л. ед. ч. и *суть* в 3 л. мн. ч. Колебания в выборе числовой формы глагола *быть* в 3 л., по-видимому, имеют разную природу. Судя по статистике НКРЯ, историческая форма 3 л. ед. ч. *есть* рано закрепились в 3 л. мн. ч. в функции полнозначного глагола. В книжных текстах (идиомы Др-Рус. II, Ст-Рус. II) в этой функции могла употребляться и форма *суть*, но судя по регулярным сбоям в этой группе памятников, для многих авторов она была элементом выученной, а не унаследованной грамматики. Напротив, связка *суть* в 3 л. мн. ч. в этот период конкурирует не столько с *есть* (такое употребление документировано НКРЯ, но встречается редко), сколько с нулевой связкой. Последовательное употребление *суть* в значении 3 л. ед. ч. у таких авторов как Петр Толстой отражает общую тенденцию к устранению лично-числового согласования в наст. вр. глагола *быть*. Вместе с тем, при подобном употреблении форма *суть* избыточна, так как она дублирует более распространенные формы $\emptyset^{BE.3P}$ и *есть*.

III

В XVIII в. *суть* продолжает использоваться в 3 л. ед. ч. и спорадически употребляется в 1-2 л. Последнее употребление представлено примером из романа И. А. Крылова (род. 1768 г.).

- (19) **Вы_{2PL} суть заблудшие овцы**, коих против воли желаем мы возвратить на пажить господню [И. А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами (1789)].

В 3 л. ед. ч. форму *суть* употребляют не только самоучка В. Н. Татищев (род. 1686 г.), но такие образованные писатели, как А. Д. Кантемир (род. 1708 г.), Д. И. Фонвизин (род. 1744 г.), см. (20) и А. Н. Радищев (род. 1749 г.), см. (21).

- (20) ...показав ему в самой слабости, **каково суть человеческое сердце_{SG}** [Д. И. Фонвизин. Письма П. И. Панину (1777–1778)].

- (21) А местами берег Оки, хотя низкий, являет гранит, что побуждает думать, что и **вся подстилка сего возвышения_{SG} суть^{BE.3P} гранит_{SG}** [А. Н. Радищев. Записки путешествия из Сибири (1797)].

Экспансия *суть* в зону 3 л. ед. ч. и 1–2 л. в текстах XVIII в. зарегистрирована именно в функции связки. Примечательно, что тот же А. Н. Радищев мог в одном и том же контексте при общем подлежащем употребить и связку *суть*, и полнозначный глагол *есть*, см. (22).

- (22) Первая представляет везде землю ровную, плоскую, и **возвышения_{PL}**, где **они_{PL} есть^{BE.3P}, суть^{BE.3P}** не иное что, как **берега рек_{PL}** к укрепления вод [А. Н. Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири [отрывок] (1773)].

Пример (22) может показаться носителю современного языка странным, но в нем нет смешения *суть* и *есть*, и он соответствует как современной грамматике, так и речи образованных людей XVIII в. Форма *есть*^{BE.3P} используется как полнозначный глагол в предложении о наличии объекта (сообщается о том, что в некотором месте бывают *возвышения*), а форма *суть*^{BE.3P} использована в позиции связки (утверждается, что *возвышения* — не что иное, как *берега рек*). От современного узуса пример (22) отличается тем, что в нем связка *суть* стоит в позиции, где сейчас была бы использована нулевая связка, см. (23).

(23) Возвышения, где они **есть**^{BE.PRES} – ∅^{BE.PRES} не иное что, как берега рек к укрепления вод.

В текстах XVIII в. связка *суть* продолжает использоваться, в том числе — теми же самыми авторами — как показатель согласования в 3 л. мн. ч. в структурах типа ‘**X и Y** *суть* **Z**’ или ‘**X** *суть* **Y и Z**’ или ‘**X и Y** *суть* **U и W**’, где хотя бы один из именных членов выражен сочиненной группой.

(24) **Голод и язва суть** народное бедствие [Д. И. Фонвизин. Опыт российского словарника (1783–1784)].

Нетривиальный случай согласования связки *суть* с сочиненной группой в позиции подлежащего зафиксирован в контексте (25), где сочиненная группа состоит из нескольких инфинитивных оборотов.

(25) Но обращать самому непохвальное дѣло въ похвальное, малодушное въ мужественное (1), называть робость свою долгомъ (2), и не сожалѣть о томъ (3), **суть** вещи далеко отстоящія отъ истинной славы [А. С. Шишков. Записки (1780–1814)].

Мы видим, что в XVIII в. образованные носители русского языка в светских памятниках сохраняли контексты для связки *суть*^{BE.3P} как в структурах с согласованием по числу, см. (24)–(25), так и без него, см. (20)–(22). В их речи форма *суть* была освоенным элементом: употребляя ее в письмах, дневниках и литературных произведениях, они ориентировались не столько на предшественников, сколько на устную и письменную практику своего времени.

Перейдем теперь к текстам XIX–XXI вв. и оценим употребления *суть* в 3 л. ед. ч. и 1–2 л. в свете данных НКРЯ. Мы ограничили поиск контекстом субъектное местоимение 1–3 л. в контактной позиции⁹ с глагольной формой *суть*. Выборка проверялась вручную. Было обнаружено 239 предложений искомого типа, относящихся к периоду 1800–2015 гг. Отдельно подсчитывались употребления *суть* в качестве связки и полнозначного глагола. 3 л. мн. ч. ожидаемо преобладает (213 предложений, 89,1% выборки), но все прочие комбинации тоже представлены, что неудивительно в свете истории русского языка и ранних примеров типа (12), (13), (15), (16), (19)–(21). За пределами 3 л. мн. ч. чаще всего встретилась комбинация мы *суть* (12 предложений, 5%). Обращают на себя внимание 26 примеров с *суть* в качестве полнозначного глагола,

⁹ Окно <-1; 1>.

правда, их язык архаичен¹⁰. Тем самым, утверждение Ю. Д. Апресяна о том, что такое употребление невозможно, должно быть смягчено. Таблица 2 показывает долю связочных и несвязочных употреблений *суть* для каждой формы лица и числа.

Таблица 2

Распределение *суть* по лицам и числам в Основном корпусе НКРЯ с 1800 по 2015 гг.

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Полн-зн. глагол	Связка	Полн-зн. глагол	Связка
1 л.	0	3 (1,25%)	0	12 (5%)
2 л.	1 (0,42%)	2 (0,83%)	0	4 (1,67%)
3 л.	0	4 (1,67%)	26 (10,87%)	187 (78,24%)

Указано число предложений с контактно стоящим подлежащим местоимением 1–3 л. и доля связочных/полнозначных употреблений для каждой формы лица и числа.

Таблица 2 показывает, что *суть*^{BE.3P}, аналогично *есть*^{BE.PRES} и \emptyset ^{BE.PRES}, имеет тенденцию к распространению на все лица и числа. Этот результат важен для русской морфологии, так как он подтверждает, что *суть* в языке современного периода является органической частью глагольной парадигмы без обязательного лично-числового согласования, а не механическим пережитком древнерусской грамматики. Вместе с тем, системно важны именно употребления *суть* в функции связки 3 л. мн. ч. Непосредственно соотнести их с древнерусским состоянием мешает тот факт, что в раннедревнерусский период *суть* было обязательным элементом в позиции полнозначного глагола, а не связки, однако в 1300–1700 гг. употребление *суть* в качестве полнозначного глагола сильно ограничено ввиду распространения формы *есть* на 3 л. мн. ч. в позиции полнозначного глагола. В функции связки 3 л. мн. ч. форма *есть* употреблялась редко, поэтому связка *суть* смогла уцелеть. Исторически, нулевая связка в 3 л. мн. ч. и 3 л. ед. ч. в современном языке продолжает идиомы древнерусского и старорусского языков, близкие к устной речи (Др-Рус. I, Ст-Рус. I), в то время как внешне выраженные связки *есть* и *суть* продолжают «книжные» идиомы старорусского языка (Ст-Рус. II).

Среди авторов, употреблявших *суть* в 3 л. ед. ч. и в 1–2 л. мн. ч. в 1800–1950 гг. — И. С. Тургенев (род. 1818 г.), М. Горький (род. 1868 г.), А. И. Куприн (род. 1870 г.), И. С. Шмелев (род. 1873 г.), В. Я. Шишков (род. 1873 г.), К. А. Федин (род. 1892 г.), философ С. Н. Булгаков (род. 1871 г.)¹¹. Порой, как в исторических романах В. Я. Шишкова, мы имеем дело со стилизацией речи персонажей, где-то — с собственной речевой практикой: так, М. Горький по-

¹⁰ 10 из 26 предложений с местоименным подлежащим они и формой *суть* в позиции полнозначного глагола относятся к XX в., еще один пример датируется 2006 г. Среди авторов — философы С. Н. Булгаков, М. М. Бахтин, П. П. Гайденок, С. С. Неретина и А. П. Огурцов, Л. А. Гогтишвили, поэты Вяч. И. Иванов и В. Ф. Ходасевич, филолог Ф. Ф. Зелинский.

¹¹ В текстах С. Н. Булгакова, включенных в НКРЯ, наряду с архаичным книжным употреблением *суть* в функции полнозначного глагола, ср. *Он говорит, и они суть* (1912 г.), встречается и нестандартное использование связки *суть* при подлежащем в 3 л. ед. ч..

следовательно употребляет *суть* во всех лицах в переписке и во всех произведениях, включая «Исповедь». В 1950–2000 гг. список пополняется именами Н. Н. Берберовой (род. 1901 г.), В. С. Маканина (род. 1937 г.), см. (26), братьев Б. Н. и А. Н. Стругацких (род. 1925 и 1933 гг.), И. А. Бродского (род. 1940 г.), см. (27).

- (26) Вроде как **все**_{PL} **мы**_{1PL} **суть**^{BE.PRES} брежневские инвалиды [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997)].
- (27) Ибо **война**_{SG} **суть**^{BE.PRES} **эхо**_{SG} кочевого инстинкта [И. А. Бродский. Путешествие в Стамбул // «Континент», 1985].

Названные авторы, как и многие другие носители русского языка, используют *суть* просто как усиленный вариант связки *есть* с примерным значением ‘X в сущности есть Y’. Такое употребление можно порицать на том основании, что оно не соответствует нормам письменного академического дискурса, где *суть* закреплено в значении 3 л. мн. ч. Однако за ним стоит многовековая традиция освоения книжной формы *суть* и история взаимодействия параллельно существовавших идиомов русского языка. Первоначально, употребление *суть* в зоне *есть* было признаком неполного освоения книжной традиции. Но уже для П. Ф. Толстого, который вполне мог породить предложения типа (27)–(28) в конце XVII в., эмфатическое *суть* — часть его собственной речевой практики, вне всякой связи с имитацией церковнославянского текста. Упрощая, можно сказать, что современный академический дискурс, где *суть* разрешено только в 3 л. мн. ч., продолжает старорусский книжный идиом Ст-Рус. II, в то время как употребление *суть* как усиленного варианта связки *есть* продолжает некнижный идиом Ст-Рус. I, к концу старорусского периода частично освоивший форму *суть*. С учетом двойственного поведения *суть*, парадигму наст. вр. глагола *быть* { \emptyset ^{BE.PRES}, *есть*^{BE.PRES}, *суть*^{BE.AUX.3PL}} можно представить в виде таблицы.

Таблица 3

Парадигма наст.вр. глагола *быть* по данным НКРЯ, период 1800–2015 гг.

	\emptyset ^{BE.PRES}		ЕСТЬ		СУТЬ	
	Полнозначный глагол	Связка	Полнозначный глагол	Связка	Полнозначный глагол	Связка
1 л. ед. ч.	+	+	+	+	(*)	+
2 л. ед. ч.						
3 л. ед. ч.						
1 л. мн. ч.						
2 л. мн. ч.						
3 л. мн. ч.	(+)	+				

IV

Завершим анализ истории формы *суть* эпизодом, связанным с устойчивым выражением *не суть важно*, где *суть* выступает в роли наречия степени, ср. синонимы: *не очень важно*, *не так важно*. Словари помещают это употребление в статью о глагольной форме *СУТЬ*² [Евгеньева (ред.) IV: 311] не объясняя, как из глагола получилось наречие. Так как в тех же словарях есть и статья о существительном *СУТЬ*¹, выбор понятен: переход от *суть*¹ к *не суть важно* необъясним вообще. Основной корпус НКРЯ содержит 94 вхождения *не суть важно*, самые давние (М. Е. Салтыков-Щедрин) относятся к 1863–1864 гг. Также имеются 2 примера с полной формой прилагательного — *не суть важное* и *не суть важное дело* (1865 г. и 1869 г.), 4 примера с мн. ч. *не суть важны*, два из которых взяты из текстов А. Ф. Писемского (1877 г. и 1879 г.) и 3 примера *не суть важна*, самый старый из которых (А. Весёлый, 1924–1932 гг.) отражает акающее произношение = *не суть важно*. Очевидно, что имеет смысл проверять тексты той эпохи, когда употребление *суть* в качестве связки при прилагательном было еще живо. Для XIX в. (1800–1899 гг.) НКРЯ дает 146 употреблений *не суть* с именным сказуемым, из них в 27 случаях именным членом является прилагательное (18,5%). Из 17 предложений вида *не суть* + краткое прилагательное 9 примеров приходятся на сочетание *не суть важно*, еще два — на сочетание *не суть важны*. В оставшихся 6 примерах прилагательное неизменно стоит в форме мн. ч. на *-ы/-и*, тот же М. Е. Салтыков-Щедрин, который воспроизводит клише *не суть важно*, пишет: *...говоришь, что служительские должности не суть постыдны* (1866 г.). Тем самым, стоит обратиться к более ранним текстам.

В XVIII в. сочетание *не суть* + краткое прилагательное встречается в НКРЯ 7 раз, во всех случаях употреблено мн. ч. на *-ы/-и*. Больше данных дает выборка сочетаний с неотрицательной формой *суть* и кратким прилагательным. Из 210 предложений в 17 (8%) использована церковнославянская (совпадающая с древнерусской) форма мн. ч. ср. р. с окончанием *-а*. Эта форма используется при сущ. ср. р. (*чада ея суть просвещенн-а*), местоимениях *сія*, *вся* и (*сія суть весьма неприятн-а*), а также при номинализациях (*угодная Богу нам разумн-а суть*). 13 примеров связана с одним автором — ученым архиепископом Платоном Левшиным (род. 1737 г.), чьи сочинения обильно представлены в НКРЯ, 2 — с текстами архиепископа Феофана Прокоповича (род. 1681 г.), по одному примеру добавили Д. И. Фонвизин (род. 1744 г.) и П. И. Погоретский (род. 1734 г.), в 1768 г. переведший иноязычный трактат на русский язык. Тот же Платон Левшин 57 раз использует при *суть* обычное русское окончание мн. ч. кратких прилагательных *-ы/-и*, в том числе, при тех же самых существительных ср. р., см. *дело* в (28) и (29). Нет сомнений в том, что в контексте (28) форма на *-а* (*разумна*) — церковнославянизм¹², что Левшин специально подчеркнул, напомнив о том, что таковы слова святого писания. Напротив, в обращении к наследнику престола в (29) он использовал русскую форму на *-и* — *велики*.

¹² Характерно, что на тексты Платона Левшина приходится 23 из 66 регистрируемых НКРЯ употреблений *суть* в качестве полнозначного глагола в XVIII в.

- (28) **Разумна** от века суть Богови **вся дела его**, по словам писания святого [архиепископ Платон (Левшин). Слово в день рождения Ея Императорскаго Величества (1775)].
- (29) И посему-то **дела Твои** суть **велики**, благопоспешны и тверды, яко на твердом утверждаются основании [архиепископ Платон (Левшин). Слово в день первоверховных Апостолов Петра и Павла, и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества наследника Всероссийскаго (1775)].

Нам осталось сделать последний шаг. Загадочное *не суть важно* — не что иное, как искаженное отражение в акающем великорусском говоре XVIII–XIX вв. церковнославянской модели <сия> *не суть важна*_{PL,N} с согласованием краткого причастием в ср. р. мн. ч. При фиксации на письме было неверно восстановлено конечное *-о* в *важно*. Те носители русского языка, которым эта согласовательная модель была чужда, переосмыслили книжное *суть* как усиленный элемент, наречие степени при предикативном наречии на *-о* (*важно, разумно, возможно, явно* и т. п.). С середины XIX в. писатели фиксируют это клише как черту речи малообразованных людей, а затем — просто как черту разговорного языка.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.04.2020).

СЛОВАРИ

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. 2-е изд. испр. М.: М. О. Вольф, 1880–1882.
- Евгеньева А. П. (ред.) Словарь русского языка. В 4-х т. 4-е изд. М.: Русский язык, 1999.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь. М.: Наука, 1977. 879 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.
- СДРЯ I — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII. М.: Русский язык; Азбуковник; ЛЕКСРУС, 1988–2019. Т. I. М.: Русский язык, 1988. 526 с.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950–1965. Т. 3. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 1340 стб.; Т. 14. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 1390 стб.
- Ушаков Д. Н. (ред.) Толковый словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935–1940.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Лексикографические портреты (на материале глагола *быть*) // Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 518–537.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983. 198 с.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 512 с.
- Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.
- Дымарский М. Я. А у меня в кармане гвоздь. Нулевая связка или эллипсис сказуемого? // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 5–12.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.

ГРАММАТИКА

- Зализняк А. А.* Лингвистические исследования // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М.: Наука, 1993, С. 191–321.
- Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 276 с.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 579 с.
- Петрухин П. В., Крысько В. Б.* Прошедшее время // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020, С. 231–244.
- Соколянский А. А.* Суть // Русская речь. 2020. № 2. С. 92–104.
- Циммерлинг А. В.* Энклитики // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020, С. 291–307.
- Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Русская речь. Новая серия. Вып. II. Л.: Академия, 1928. С. 5–27.
- Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. 4-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 432 с.
- Bánhidí Z., Jókay Z., Szabó D.* Learn Hungarian. 3rd ed. Budapest: Tankönyvkiadó, 1965. 530 с.
- Benvenist É.* ‘Etre’ et ‘avoir’ dans leur fonctions linguistiques // Bulletin de la Société de linguistique. 1960. T. LV. P. 113–134.
- Stassen L.* Typology versus mythology: the case of the zero copula // Nordic Journal of Linguistics. 1994. Vol. 17. P. 105–126.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка им. В. В. Виноградова

Sub specie aeternitatis

**Сборник научных статей к 60-летию
Вадима Борисовича Крысько**

МОСКВА
«Азбуковник»
2021

УДК 81'35+81'373+81'36(08)
ББК 81.2Рус

Ответственные редакторы

канд. филол. наук И. М. ЛАДЫЖЕНСКИЙ
канд. филол. наук М. А. ПУЗИНА

Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько / Отв. ред. И. М. Ладыженский, М. А. Пузина; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2021. – 827 с.

ISBN 978-5-91172-215-9

В сборник, посвященный 60-летию д. ф. н. проф. Вадима Борисовича Крысько, входят статьи, посвященные палеографии, орфографии, фонетике, грамматике, лексике и этимологии, источниковедению и текстологии.

Предназначен для филологов, историков, палеославистов.

УДК 81'35+81'373+81'36(08)
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-91172-215-9

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, 2021
© Авторы, 2021
© Издательский центр «Азбуковник», оформление,
2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тяняна Славова</i> (България, София). Към преводаческата практика на Константин Преславски (лични и нелични глаголни форми в Учителното евангелие и Словата против арианите)	254
<i>Анна-Мария Тотоманова</i> (България, София). Некоторые наброски к истории неличных глагольных форм в болгарском языке. Действительные причастия	266
<i>А. В. Циммерлинг</i> (Россия, Москва). Суть и есть	278

ЛЕКСИКА И ЭТИМОЛОГИЯ

<i>В. Л. Васильев</i> (Россия, Великий Новгород). Структурные типы гидронимии Русского Северо-Запада в сравнении с типами Верхнего Поднепровья (сегмент имен с финалью <i>-a</i>)	295
<i>Јасмина Грковић-Мејор</i> (Србија, Нови Сад, Београд). О семантичким континуантима псл. * <i>svēt-</i>	304
<i>Томас Дайбер</i> (Германия, Гисен). Еще раз к «русским буквам» в Житии Константина-Кирилла	311
<i>Кристиано Дидди</i> (Италия, Салерно). К осмыслению термина Див в «Слове о полку Игореве»	321
<i>Веселка Желязкова</i> (България, София). Передача греческих композитов в древнеболгарском переводе Книги Исход	329
<i>А. Ф. Журавлёв</i> (Россия, Москва). К возможному происхождению глагола <i>уписывать / уписать</i> ‘есть / съесть с аппетитом’	349
<i>Yannis Kakridis</i> (Schweiz, Bern). Ἀλλωστε/инакоже: eine griechische Diskurspartikel und ihr kirchenslavisches Äquivalent	358
<i>Sebastian Kempgen</i> (Deutschland, Bamberg). Ein neuer Balkanismus (im Bereich der Onomastik)	367
<i>М. В. Корогодина</i> (Россия, Санкт-Петербург). ИКОНОМЪ – ЕКСАРХЪ – ЕКДИКЪ: византийская терминология в Кормчей книге	376
<i>Л. В. Куркина</i> (Россия, Москва). К восстановлению этимологических связей слав. * <i>selmę</i>	387
<i>П. В. Лукин</i> (Россия, Москва). «Бог и Великий Новгород»: функционирование и значение формулы	394
<i>Јвор Милтенов</i> (България, София). Съвпадащи лексикални решения в преписи на Осмокнижието и на Тълковните пророчески книги	403
<i>А. В. Назаренко</i> (Россия, Москва). Др.-русс. <i>отьчиць</i> : грани смысла династического термина	416
<i>А. А. Пичхадзе</i> (Россия, Москва). Грецизм <i>мѣ-ѡ-имонъ</i> в древнерусской письменности	426
<i>М. А. Пузина</i> (Россия, Москва). Лексикографически не описанная лексика в январской минее ГИМ, Син. 163 XII в.	430
<i>Лора Тасева</i> (София, България). Материали за редупликацията на представката <i>съ-</i> в южнославянски средновековни текстове	453
<i>С. Ю. Темчин</i> (Литва, Вильнюс). О переводном характере Пространного жития Кирилла Философа: обыгрывание греческого слова ΦΙΛΟΣΟΦΟΣ в описании сна о выборе невесты (гл. 3)	466